

Испытание встречей

Мао Чун

Гунмао с Цириллой проводили Мэйлин, чтобы убедиться, что она не откажется от водителя, и после этого поехали на втором автомобиле в больницу по адресу, который сообщила девушка. По дороге, пока Чжан собирал пробки, как ни пытался он их объехать, Кот позвонил Сину, чтобы предупредить о резюме. О том, что близнецы найдены, он сказал пока в общих чертах, но Эскулап сразу вызвался принять их в своей клинике, если их можно перевозить.

А вот к идее нанять девушку без опыта он сначала отнесся скептически. Клиника серьезная, пациенты важные и не бедные, не на них же учить вчерашних студентов, да и как коллеги посмотрят на то, что среди врачей оказалась юная дева, мечтающая о врачебной карьере. Но минут десять уговоров, угроз и шантажа привели к тому, что Син смиловился и обещал что-нибудь придумать. В отличие от него, Гунмао был уверен, что юная дева, учившаяся какое-то время у Лю Яна, в перспективе может оказаться полезнее всех остальных врачей клиники вместе взятых, включая Сина, это даже если не брать моральный аспект, обязывавший Кота помочь Юн Мэйлин.

К концу разговора Чжан добрался до того района, где находилась клиника. Это была окраина города, и вряд ли здесь располагались элитные медицинские центры.

Цирилла Грей

Мао всю дорогу до клиники разговаривал с Сином мельком о близнецах а потом - о Мэйлин и том, что она должна прислать свое резюме. Цирилла помнила времена, когда "клиника" Сина была всего лишь неприглядным полуподвальным помещением в здании обычного жилого дома. Теперь это было первоклассное заведение со множеством отделений и огромным штатом врачей. И Цирилла считала, что в лице Мэйлин клиника только выиграет, приобретя очень ценного сотрудника. Она была старательной и умной девушкой, трудолюбивой и очень внимательной к людям. И то, что она работала медсестрой в какой-то клинике на окраине города - это был практически нонсенс.

Но об этом Цирилла думала скорее поверхностно, не особенно вдумываясь, наблюдая за тем, как медленно ползут мимо дома, деревья и осветительные столбы. Она молчала всю дорогу, не зная, что ей говорить. И не желая что-то говорить. Ей нужно было прожевать свой страх, чтобы в итоге суметь принять невозмутимый вид. Все хорошо. Все действительно будет хорошо.

Названный Мэйлин район угнетал, неподалеку располагалось шоссе, да и дома выглядели так, словно их построили еще при рождении Мао Цзэдуна. Среди этого великолепия клиника выглядела немного неуместно, будучи явно с необоснованной претензией на элитность. Цирилла вышла из машины и пристальным взглядом осмотрела здание, после чего прижалась к мужу плечом и взяла его за руку, крепко переплетя свои пальцы с его.

Мао Чун

Клиника выглядела приличнее, чем можно было рассчитывать. Кот взял Цириллу за руку и велел Чжану остановиться у главного входа, а затем ждать на парковке. Сложно бороться со страхом, но необходимо, чтобы Кошке было немного легче в этой ситуации.

Они зашли в клинику, и Гунмао сразу направился к регистратуре, не отпуская руку супруги. Он назвал имена близнецов, но таких, разумеется, не было.

- Они поступили к вам примерно двое суток назад, близнецы, попавшие в ДТП.

- У нас нет,... - начала вежливо возражать сидевшая в регистратуре девушка.

- Есть, - уверенно сказал Гунмао. - Их личности у вас не установлены. Один без сознания, второй потерял память. Их зовут Чун Тай и Чун Тео. Я - их отец, это, - он взволнованно посмотрел на Цириллу, - их мать.

Девушка начала что-то проверять в компьютере, промолчав в ответ на слова Кота. Затем куда-то позвонила, перезвонила по другому номеру, снова что-то перепроверила, ответила на звонок и сказала, что, да, к неизвестным приехали родители.

- Они в реанимации, - ответила гунъян. - Вы сможете их увидеть через несколько минут, за вами спустятся. Сначала нужно завести карты.

Это означало, что лечение пока не было оплачено, что не удивительно. В большинстве пекинских клиник на пациентов заводились карты наподобие банковских, на которых была информация из базы клиники, и к которым привязывался счет, с которого проходили оплаты всех процедур. Повезло, что больница взялась за лечение еще до того, как нашлись родственники.

- Запишите их имена, - девушка протянула Гунмао листок и ручку. - Дата рождения, сколько полных лет, адрес, контактный телефон.

Это были стандартные вопросы, на которые Гунмао принялся отвечать. В другой момент он был настаивал на том, чтобы сначала увидеть сыновей и убедиться, что в клинике это они. Но сейчас он не хотел спорить и не сомневался в словах Юн Мэйлин.

Цирилла Грей

Цирилла снова молчала, не участвуя в разговоре. Ей хотелось верить, что она выглядит нормально и не похожа на человека, критично близкого к помешательству. Она просто не знала, как себя сейчас вести. как будто ничего не произошло? Вранье. Так, словно наступил конец света? Слишком...слишком откровенно, такого она себе не могла позволить. Оставалось только сохранять хладнокровное аристократическое спокойствие или хотя бы делать вид, что его сохраняешь.

Близнецы были действительно в реанимации, но реанимация - это не обязательно что-то страшное, это просто палата интенсивной терапии, где к тебе подключают

чуть больше датчиков и мониторов, чтобы следить за твоим состоянием, эта палата находится ближе к посту медсестры, и, чаще всего, насквозь просматривается камерами и мониторами, чтобы у медперсонала всегда была возможность оценивать состояние пациентов. Во всяком случае, именно так хотелось думать Цирилле, конечно, куда же еще переведут Тео из операционной, как не в палату интенсивной терапии?

В итоге после оформления всех необходимых документов для оплаты уже проведенного близнецам лечения можно было наконец увидеть близнецов, но пришлось подождать еще немного, прежде чем сна первый этаж спустился сам доктор Ван Юйсян, судя по бейджу, прикрепленному к отвороту халата. Мэйлин назвала его лечащим врачом близнецов, и у нее были к нему вопросы, но она внезапно поняла, что не сможет произнести ни звука, чтобы задать какой-то интересующий ее вопрос. Пусть он просто проводит их наверх к близнецам, и она сможет, наконец, увидеть своих сыновей, обнять каждого и с облегчением вздохнуть. От волнения у нее снова начала болеть голова и, если бы не природная бледность, то на щеках расцвело два лихорадочных пятна румянца. Цирилла только крепче вцепилась пальцами в руку мужа, словно опасаясь, что ее сейчас от него отдерут и тут оставят наедине со своими мыслями.

Мао Чун

За ними спустился врач, с которым Гунмао вежливо поздоровался, сообразив, что местные врачи - не Син, чья зарплата зависит от твоего настроения. Это был человек, от которого зависели здоровье, а то и жизнь Тая и Тео, и для Кота он уже за это был близок к рангу небожителей. Цирилла молчала, лишь сильнее сжимала его руку в своей.

Лестница, лифт, коридор, еще один, затем стеклянные стены, резкий запах каких-то лекарств, и вот она, палата. От нервов звенело в ушах. Кот был бы рад, если бы сейчас смог закурить.

- Я должен вас предупредить. Один из юношей ничего не помнит, и вас не сможет узнать, - сказал врач.

- Тай, - сказал Гунмао.

- Второй мальчик, Тео, сейчас без сознания. У него серьезная травма, мы сделали операцию, но понадобится время, чтобы он восстановился, - продолжил Ван.

Кот промолчал. Он считал, что главное, что близнецы живы, все остальное поправимо. Он был готов лично просить Лю Яна о помощи, если это потребуется.

Цирилла Грей

Цирилла прислушивалась даже к малейшему шуму там, за дверью, как кошка, вышедшая на охоту, прислушивается к шелесту травы, пытаясь уловить среди этого дробный топоточек мыши и стук крохотного бьющегося сердечка - одной ей слышимые признаки жизни и добычи в травяном море. Больница была полна шума, несмотря на кажущуюся тишину - разговоры врачей, ведущих прием, сплетни медсестер в маленькой комнате медперсонала, натужное шипение дыхательных

помп и писк электрических приборов.

- Мы бы хотели перевезти их в другую клинику, когда мы сможем это сделать? - голос Цириллы прозвучал немного хрипло от долгого молчания. Она все же нашла в себе силы говорить. Доктор Ван помолчал прежде чем ответить на вопрос.

- Мы стабилизировали состояние Тео, но оно все еще тяжелое. Не раньше, чем мы будем уверены, что его состоянию ничего не угрожает. В идеале - когда он придет в сознание. До этого момента я бы не рекомендовал их перевозить. Здесь мы в случае чего сможем оказать им квалифицированную помощь.

Цирилла едва не фыркнула вслух. Квалифицированная помощь, в таком-то районе. Тут до ближайшего банка крови три дня на собаках ехать, к тому же она хотела иметь возможность беспрепятственно навещать своих детей, а не заполнять каждый раз при посещении гору никому не нужных отчетов и бумаг, лишь бы только ее проводили до нужной ей палаты. Если она сейчас настоит на своем, то близнецов, конечно, перевезут в клинику Сина, но для этого она должна была как минимум увидеть их собственными глазами и оценить их состояние, то, которое не могли оценить никакие аппараты и оборудование.

Мао Чун

Гунмао не стал перебивать Цириллу, хоть и подумал, что врач мог обидеться за вопрос о переводе в другую клинику, который мог расценить как признак недоверия. При этом ему тоже было бы спокойнее, если бы сыновья находились в клинике Сина. А еще со слов врача было понятно, что жизнь Тео все еще в опасности.

Они зашли в палату, разделенную ширмой на две части. Гунмао сразу увидел Тая который лежал на кровати и смотрел в окно. Тео, видимо, находился за ширмой. Казалось, что сам воздух в этой палате пропитан каким-то ядовитым запахом, из-за которого человек просто не может здесь чувствовать себя хорошо.

- Тай, - негромко окликнул Кот сына.

Он не стал ничего добавлять: спрашивать, может ли Тай их узнать, или как он себя чувствует. Не может, и вряд ли чувствует себя хорошо. Гунмао так и не отпустил руку Цириллы.

- Тай, к тебе пришли родители, - сказал врач, заходя в палату следом.

Тай Чун

Он среагировал на уже знакомое, но все еще непривычное слуху имя не сразу, узнав только голос врача. Первая попытка назвать его по имени и обратить на себя его внимание была оставлена без ответа - с таким же успехом можно было обращаться к стене напротив, и она бы точно также не ответила. Но когда стало ясно, что обращаются именно к нему, ведь кроме него тут больше никому отвечать, пришлось отвлечься от бесцельного рассматривания неба за окном, виднеющимся сквозь неплотно закрытые жалюзи - от яркого света болели глаза - и медленно повернуть голову в сторону палатной двери.

Доктор Ван Юйсян, ничего интересного. Мужчина, незнакомый. Женщина, почему-то европейка, красивая, но тоже незнакомая. К нему пришли родители, а ему эти люди совершенно незнакомы, он может называть родителями людей, которых не знает и не помнит? Тай скользил взглядом от лица женщины к лицу мужчины, и обратно, пытаясь найти в них что-то знакомое, что-то, что могло бы шепнуть ему из сознания, что он действительно знает и помнит, но от пристального внимания и напряжения начало ломить виски, стягивая их тупой болью, как обручем, и он на какое-то время прикрыл ноющие глаза, чтобы дать себе короткую передышку. Когда боль, наконец, немного улеглась - это не заняло много времени, Тай снова посмотрел на незнакомых ему посетителей.

Он едва заметно покачал головой, очень осторожно, отвечая не так и не заданный, и потому ощущаемый практически всеми чувствами, вопрос - не узнает.

Цирилл Грей

Цирилл было не до обид врача, даже если она и поступила не так, как подобало благодарной матери, которую допустили до встречи с сыновьями. Весь остальной мир для нее сейчас был где-то за гранью, за чертой, и о нем не хотелось думать. Даже не так - она о нем не думала. В ее вселенной существовала только она, эта дверь палаты и ее сыновья, скрытые от нее этой самой дверью.

Она подавила первое стремление оказаться как можно ближе к сыну, протянуть к нему руки, прижать к себе, как самое драгоценное сокровище, прижать и не отпускать никогда в жизни, но осталась стоять возле двери, кажется, даже задержав дыхания и внимательно наблюдая за старшим сыном, аккуратно и медленнодвигающимся, непривычно бледным и растрепанным, с характерными для сотрясений кругами вокруг глаз, с ободранной до локтя рукой, лежащей поверх больничного одеяла. Но это все же был ее Тай, ее старший сын, старший из близнецов, хмурый, неразговорчивый и бесконечно любимый и...

...их не узнающий.

- Здравствуй, мой хороший, - поздоровалась Цирилл, одной рукой цепляясь за ручку сумки, как утопающий хватается за соломинку - отчаянно и дико, а второй не отпуская руку мужа. Ей казалось - отпусти она и то и другое, и мир кувыркнется солнышком. Она хотела было улыбнуться сыну, но не смогла. Неузнавание в его взгляде отталкивало назад, не давало приблизиться и нарушить невидимые границы.

Мао Чун

Гунмао внимательно следил за тем, как медленно и рассеянно обернулся Тай. Он понял, что тот их не узнает. Их предупреждали, но все равно было так дико видеть этот пустой потерянный взгляд старшего сына. Еще страшнее было чувствовать, что в этот момент происходит с Кошкой. У Тая были синяки под глазами, рука разодрана, но это было бы терпимо, если бы не этот отсутствующий взгляд. Гунмао обнял Цириллу за плечи, чувствуя, что ей не по себе.

- Не шевелись, а то голова сильнее будет болеть, - сказал Кот, все же сообразив, что кто-то из них должен выйти из оцепенения. И помнил Тай их или нет, он

оставался их сыном, который сейчас наверняка чувствовал себя одним во вселенной, раз не помнил даже собственного имени.

- Вам принести воды или успокоительное? - спросил врач у Цириллы и взглянул на зашедшую следом медсестру, готовую выполнить любое распоряжение.

Гунмао тем временем внимательно смотрел на Тая. Он понимал, что не нужно что-то спрашивать или в чем-то уговаривать. Не должен был вслух говорить Кошке, что все будет хорошо, чтобы и без того находящийся не в лучшем состоянии Тай не чувствовал, будто по нему служат панихиду. Он просто хотел поддержать их обоих, но не знал, как. И за ширмой был Тео, которого они еще не видели.

- Ты нас не помнишь, но просто знай, что мы сделаем все возможное, чтобы помочь вам с Тео, - сказал Кот Таю.

Тай Чун

Он и не шевелился, стараясь совершать как можно меньше движений, потому что от каждого неаккуратного поворота головы комната начинала раскачиваться и порывалась вращаться вокруг своей оси, словно самая плохая и разболтанная детская карусель. И эта вынужденная медлительность раздражала, как раздражает назойливый солнечный свет, пытающийся пробиться сквозь жалюзи в комнату или раздражает настойчивый писк приборов, подключенных к брату.

Незнакомой светловолосой женщине было не по себе, но Тай и сам себя ощущал немного не в своей тарелке. Тут было слишком много народу, и хотелось куда-нибудь уползти от этих внимательных взглядов, будто они увидели в зоопарке какую-то диковинную зверушку, и теперь ждут, что она сделает что-то необычное. Например кинет в наблюдателей то ли бананом, то ли чем еще похуже. И еще хотелось огрызнуться, что он не обезьяна в вольере, чтобы так на него смотреть.

- Может быть, вы... - он на мгновение споткнулся об это слово, обратившись к женщине. Если они действительно их родители, то как ее называть? Родителей обычно на вы не называют, но и обращаться к совершенно незнакомой сейчас женщине на "ты" было неудобно. -...присядете?

Он немного подвинулся, все также медленно и заторможенно, к противоположному краю кровати. Он не знал, о чем ему еще говорить. О том, как он рад? Или о том, как хорошо, что у него есть родители? Он был бы рад, если бы их узнал, а так не было ничего, чему можно было обрадоваться.

Цирилла Грей

Цирилла прижалась боком к мужу, когда он ее обнял. Как ни странно, она вполне твердо стояла на ногах, и не было такого ощущения, будто изнутри вынули какой-то твердый стержень. Она просто не знала, что ей сейчас делать - делать вид, что ничего не случилось? Или наоборот, постараться выяснить у сына, что же он помнит - может есть что-то, что не до конца стерлось из памяти?

- Нет, - с досадой бросила Цири врачу, даже не обернувшись на них с медсестрой. - Просто дайте нам побыть с нашими сыновьями.

Пусть Тай их не помнит, это не отменяет тот факт, что он все еще их старший сын. И не умаляет их любви к нему. Память может восстановиться, а может и не вернуться никогда, сейчас ему одиноко и странно быть одним в этом мире, в котором он не помнит практически ничего, и они должны быть рядом с ним, просто чтобы он чувствовал эту поддержку. Она воспользовалась предложением Тая и аккуратно присела на край больничной койки, позволяя себе чуть больше обратить внимания не его ауру. В области двух верхних чакр было довольно много серой мути, за которыми плохо угадывались Аджна и Сахасрара. Цирилла умела работать с памятью, но не очень хорошо разбиралась в Сахасраре и принципах ее работы, и за нарушениями от сотрясения пока ничего нельзя было сделать, пока чакры были скрыты серой мутной пленкой тумана.

- Меня зовут Цирилла Грей, Чун тайтай. А это Чун Мао - ваш отец. Мы не будем настаивать, чтобы ты называл нас мамой и папой, Мы просто хотим, чтобы вы знали, что мы всегда будем рядом, и вы не останетесь одни, - мягко сказала она.

Мао Чун

Цирилла присела на кровать к Таю, а Гунмао, поняв, что она немного приходит в себя, заглянул за ширму к Тео. Медсестра поспешила следом, чтобы объяснить, что пациента нельзя трогать, и что ему только недавно сделали операцию. Гунмао лишь отмахнулся и подошел ближе, чтобы среди проводов и трубок увидеть младшего сына. Его голова была в бинтах, глаза закрыли, а лицо бледное и не оживленное привычной эмоциональной мимикой. Было даже практически незаметно, что он дышит, и лишь размеренный писк приборов говорил, что Тео жив, и его состояние под контролем. Кот молчал, это снова было оцепенение, связанное страхом и пониманием собственной беспомощности. Считанные дни назад Тео вытащил его с того света. Сидел у его кровати и отказывался уходить спать. А сейчас Гунмао не мог сделать ничего, чтобы заставить его открыть глаза, заговорить, выйти к матери, разговаривающей с не помнящим ей Таем, и сказать, что все в порядке.

- Когда он придет в себя? - спросил Кот у подошедшего ближе врача.

- Мы не знаем, - ответил тот. - У него серьезная травма, была сложная операция. Все индивидуально. После того, как он очнется, будет долгая реабилитация. Если организм окажется достаточно крепким, и он очнется.

- Когда очнется, а не если, - ответил Гунмао, с вызовом посмотрев на врача.

Он понимал, что Цирилла, Сантана или, если понадобится, Лю Ян могут то, чего не могут врачи. Он рассчитывал на чудеса, когда не мог быть уверен в медицине. Он не позволял себе сомневаться в том, что нынешнее состояние близнецов - временная проблема, и они обязательно вернутся к обычной жизни, снова станут теми Таем и Тео, которых вырастили и воспитали они с Цириллой.

Тай Чун

Женщина приняла его предложение, и он почувствовал, как под ее весом немного просел жесткий матрас больничной кровати. Почему-то от этого ощущения становилось спокойнее и даже как-то...лучше, словно он действительно сейчас не

один. У него есть брат, но это чувство "брата" настолько эфемерно, что иной раз его легко потерять. Он не помнил, как зовут того парня, что лежит рядом на соседней койке, за ширмой, окутанный проводами и трубками, с забинтованной головой, не помнил о нем ничего, но почему-то знал, что это его брат. У него даже не было мысли в этом сомневаться, как будто это было само собой разумеющееся - оказаться тут, в незнакомой клинике, но вместе с братом. Иногда ночью, прислушиваясь у мерному писку приборов, Он думал "Эй, парень, ты только живи, слышишь? Потому что без тебя я останусь совсем один".

Тай постарался выдержать внимательный и даже какой-то чересчур пристальный взгляд женщины, Чун тайтай, хотя ему и показалось, что она смотрит мимо него. Он чисто теоретически попытался представить, что чувствует сейчас она, внезапно обнаружившая двух своих сыновей в реанимации, причем один не приходит в сознание, а другой не может ее вспомнить.

- Я разбил часы, - глухо и совершенно не в тему ответил он, потому что понятия не имел, что должен был сказать. Признаться, что будет называть их папой и мамой? Они ему незнакомы, и он не может верить им на слово вот так, не имея никаких доказательств, кроме взволнованного, нежного и любящего взгляда женщины и тревожного голоса мужчины, разговаривающего с доктором Ваном. И почему-то он вспомнил о часах, потому что их было жалко - хорошие были часы, дорогие, и у него нет теперь возможности следить за временем, а тут, кажется, оно тянется бесконечно.

Цирилл Грей

Цирилл терпеливо улыбнулась старшему сыну, пока Мао ходил за ширму к младшему. было сложно прислушиваться к разговору мужа с врачом, и в это же время обращать достаточно внимания на Тая, поэтому Цирилл пожертвовала первым в пользу второго. если что-то важное - ей сообщат.

- Мы купим новые. Как только вам разрешат привозить личные вещи, мы привезем тебе часы, - часы, какая ерунда. Да она готова купить ему целый магазин часов, лишь бы он был доволен и это помогло бы ему что-нибудь вспомнить. Любые, механические, электронные, настенные, напольные, с кукушкой, без кукушки, да какие угодно, сколь угодно дорогие, со светящимися в темноте стрелками, с датой, с мировым временем, любого дизайна и любой навороченности. Если ему так будет лучше, если для того, чтобы чувствовать себя комфортно, ему нужны часы, она вылезет из шкуры вон, но привезет ему эти часы.

Она видела, что Тай не испытывает к ним доверия. И это было справедливо, учитывая те обстоятельства, в которых он сейчас оказался. Она бы больше удивилась если бы он покорно воспринял все так, как она говорила. Ему нужно время, чтобы это принять, и в этом был весь Тай.

- Может, хочешь, чтобы мы привезли что-нибудь еще? - спросила она, лишь бы только не молчать, слушая эту повисшую между ними тяжкую тишину, от которой становилось почти физически больно. Как ей хотелось сейчас прижать к себе сына, почувствовать под руками его тепло, положить голову на темную макушку и закрыть глаза...

Мао Чун

За ширмой Кошка разговаривала с Таем. Кошачий слух Гунмао улавливал разговор во всех подробностях. Часы были ерундой, как и все, что можно купить за деньги. Когда приходишь к этому пониманию, можешь считать себя взрослым. До этого может пройти двадцать, тридцать, а то и пятьдесят лет, пока ценностями считаешь машины, квартиры или дорогие часы. Потому что в какой-то момент судьба находит возможность тебя прижать. Показать, что ей плевать, какие у тебя деньги, связи, и как метко ты стреляешь. Когда один твой ребенок не помнит, как звать не только тебя, но и его самого, а второй лежит в коме, а его лечащий врач не дает никаких гарантий, понимаешь, что ты можешь только надеяться на милость providения. Молиться или рассчитывать на чудо. И чем уверенней в себе ты привык быть, тем тяжелее это осознавать. Мечешься по инерции, задавая вопросы, что-то требуя, что-то пытаешься делать, а все равно понимаешь, что все зависит уже не от тебя.

Проснись. Открой глаза, скажи, что все в порядке. Тай ни черта не помнит, вам с ним еще учить клятвы, ты же так этим гордишься. Проснись, мать сходит с ума, подумай о ней, дай ей почувствовать, что хотя бы ты в порядке. Проснись, иначе сойду с ума я. Просто проснись. Все это Гунмао мог твердить только про себя, как молитву. Чтобы его не услышал никто, чтобы особенно не услышала Кошка.

Он подошел чуть ближе, хотел коснуться руки Тео, но медсестра его остановила. Кот кивнул, даже не став спорить. Он снова посмотрел на младшего, затем вышел к Таю и Цирилле.

Тай Чун

- Спасибо, - ответил он в ответ на обещание привезти новые часы. Одно из немногих, из-за чего он действительно страдал - это от невозможности знать точно, сколько сейчас времени. как будто раньше он всегда жил по часам, а сейчас у него даже это отняли, и он даже это не может контролировать - то, сколько он лежит, сидит и смотрит в окно в надежде, что что-то изменится. И что он может отмерять время только по капельницам, приходу врачей или медсестер к нему или к брату. Он ненадолго задумался о том, что ему еще нужно привезти, но не смог ничего придумать. Привезите мне новую память - хотелось попросить ему, но это было также глупо, как и звучало бы вслух. Поэтому он просто покачал головой, глядя на женщину, Чун тайтай, его мать, - поправил он самого себя, хоть это и казалось ему немного чужеродным, называть незнакомую женщину матерью, а незнакомого мужчину - отцом. Он не мог им доверять, но как-то внутренне не сомневался в том, что это действительно правда - они их родители, и этот мужчина ханьской внешности, и женщина со светлыми волосами и яркими зелеными глазами, выглядящая так, словно она вдвое моложе своего супруга. Их отца - снова поправил себя Тай.

Он предпочитал молчать, пока в комнате были врач с медсестрой, словно без них тут было мало народу. Он бы, наверное, даже что-нибудь спросил, что-то личное, чтобы убедиться в том, что забыл только он, а они-то помнят, но не хотел, чтобы этот разговор слышали медицинские работники. А они тенями передвигались по комнате, неотступно следуя за Чуном сяншеном, как будто стерегли его, ожидая, что либо он сейчас бросится на Тео, либо что Тай бросится на мужчину, угрожая его

покусать. Он снова почувствовал себя диким зверем в клетке в зоопарке.

Цирилла Грей

Тай был неразговорчив. Не то, чтобы он обычно болтал без умолку, но ныне он предпочитал вообще молчать и односложно отвечать на вопросы. А то и вообще прибег к старому излюбленному способу изъясняться жестами. И он следил за перемещениями врача и медсестры, Цирилла поняла, что их присутствие его начинает напрягать. При этом она не могла сказать точно, напрягает его их с Котом присутствие, или напряжение ограничивается только лицами в белых халатах. Она и сама балы бы рада, чтобы они ушли, но даже на высказанную ею просьбу оставить их наедине с сыновьями врачи отреагировали так, словно никакой просьбы не было. Как будто она сейчас похитит из клиники своих собственных детей.

Кот вернулся из-за ширмы, и Цирилла перевела на него вопросительный взгляд, спрашивая, ну как он там? Ей хотелось самой пойти и убедиться, что ее младший сын лежит там, восстанавливается после тяжелой операции, возможно, она сможет что-нибудь сделать прямо сейчас, как-то помочь, немного его поддержать не только своим физическим тут нахождением, но и приложить усилия к тому, что он быстрее восстановился. Но это было затруднительно, учитывая, что медсестра тихо следовала из одной части комнаты в другую, и это начинало действовать Цирилла на нервы.

- Побудешь тут? - спросила она у мужа прежде чем подняться и оказаться за ширмой. Она хотела напоследок прикоснуться ладонью ободранной руки Тая, тихо-тихо, едва-едва, но ладонь замерла, так и не коснувшись, а потом Цирилла все-таки встала.

Мао Чун

Гунмао поймал взгляд супруги, собравшейся к Тео. Он считал, что она лучше него поймет, как можно помочь младшему, хоть и волновался, как она перенесет встречу, когда он находился в таком состоянии.

- Да, - ответил Кот и кивнул в подтверждение своих слов.

Он подошел ближе к Таю, который выглядел раздраженным. Он не очень любил людей. Вернее, вообще их не любил. Допускал в узкий круг избранных считанные единицы, остальных предпочитал не видеть в непосредственной близости от себя. И, даже потеряв память, остался верен себе. Гунмао потребовалось несколько лет, чтобы Тай начал называть его отцом. Не стоило ожидать, что сейчас, через несколько минут знакомства, он будет бросаться им с Кошкой на шею, называя мамой и папой.

- Тебе не нравится, что вокруг много людей? - спросил Гунмао у Тая. - Никогда не нравилось. Мы договоримся, чтобы вас перевели в отдельную палату, когда Тео очнется. Вы с ним оставили телефоны в гараже, тебе твой привезти?

Там наверняка были переписки, фотографии и прочие личные мелочи, которые могли разбудить у Тая хоть какие-то воспоминания.

Тай Чун

Он проследил взглядом за ладонью женщины, когда он вроде как сделала неровное движение к его руке, и подавил желание отдернуть руку назад, вне пределов досягаемости. Но она не прикоснулась, и Тай не отдернул, только сжал ладонь в кулак, чувствуя, как натягивается плотная багряная корка на руке, покрывавшая содранное место. Он не хотел, чтобы его сейчас трогали, он не чувствовал себя уверенно и, честно говоря, устал от внимания. Слишком много всего произошло за сегодня, чтобы это можно было вот так быстро осознать и понять, и нужно было немного времени, чтобы привыкнуть. Его зовут Тай, у него есть родители, Чун тайтай и Чун сяншен, а брата зовут Тео, и все-таки у них есть семья, но если раньше он представлял и не мог себе представить, то сейчас еще сложнее было представить себя среди этих людей, которые были его семьей.

Первый вопрос человека, который был его отцом, показался Таю риторическим, и он на него попросту не ответил. Он считал, что и так ясно дал понять, что ему не нравится видеть вокруг себя такую толпу, тем более людей, ему незнакомых. Все ждут от него какой-то реакции, а он понятия не имеет, как ему реагировать - и все ждут, что он вспомнит вот так, просто, с полпинка, а он даже не может вспомнить, действительно ли Тай - его имя, или просто первое попавшееся, и он вынужден за него держаться, потому что Тай все-таки лучше чем Ли. Хотя и непонятно, чем именно.

- Да, - "когда вас переведут в отдельную палату". Сейчас они тоже в отдельной палате, но тут постоянно ходят врачи, медсестры, интерны и прочие люди, которые имеют к медицине хотя бы косвенное отношение. Потому что они должны быть под постоянным наблюдением, потому что состояние тяжелое, но стабильное. Материальные ценности казались чем-то незыблемым. Тем, за что можно ухватиться, что можно ощупать руками, раз ему больше ничего не остается. - И шахматы.

Кирилл Грей

Кирилл глубоко вдохнула, как перед прыжком в воду, и зашла за ширму, огораживающую одну часть комнаты от другой. Она с замиранием сердца и дыхания нашла среди трубок, бинтов и проводов лицо младшего сына, по цвету практически неотличимое от тех белых наволочек и простыней, на которых лежал. Кирилл сделала несколько шагов ближе к койке, заткнув взглядом что-то начавшую кудавтаться медсестру, и все-таки коснулась кончиками пальцев бледной и прохладной руки Тео, лежащей поверх одеяла. На ощупь его кожа казалась восковой и ненастоящей, и Кирилл нервно сглотнула, почувствовав подступающие к глазам слезы. Так не должно быть, это неправильно, ее Тео должен улыбаться, сыпать словами и болтать без умолку, заражая оптимизмом всех вокруг, а не лежать, словно восковая гротескная фигура в молчании в клинике, подключенный к аппаратам жизнеобеспечения.

Она усилием воли запретила себе расклеиваться, велела собраться, найти взглядом ауру младшего сына, сначала расплывающуюся, а затем заметную все более четко. Она заметила нечто чужеродное в области Аджны, рядом с красной длинной линией, которая ознаменовывала свежий незаживший шрам, и не сразу поняла, что это, скорее всего, была титановая пластина, которой восстанавливали

целостность черепа. Она была довольно крупной, и под ней были заметны грязновато-серые участки ша-ци, но, на первый взгляд, можно было сказать, что нет никаких сильных нарушений мозга. Или Цирилла просто их не видела. Организм был ослаблен на фоне малокровия и тяжелой травмы головы, и как раз это было самым простым в плане восстановления. И все же Цирилла пока не решилась что-то трогать или менять в присутствии медсестры, которая все еще уговаривала Цириллу отойти и не трогать мальчика, так как его состояние все еще является тяжелым. Она сморгнула, восстанавливая себе способность видеть нормально, и, проведя пальцами по тыльной стороне ладони Тео, все же отступила на шаг, прерывая контакт. Хотя бы смотреть ей никто не помешает - и никто не отнимет у нее право быть рядом с ним. И если нужно - она зубами выгрызет это право и эту возможность.

Мао Чун

Взгляд Гунмао заметно оживился, когда Тай заговорил о шахматах. Он с детства умел в них играть, даже грозился научить, но Коту вечно было не до того. Было ли это возвращением памяти? Гунмао сомневался, но счел просьбу сына хорошим знаком.

- Хорошо. У тебя есть шахматы, которые я привез тебе из Кореи, мы их принесем, - сказал Кот.

Цирилла все еще была у Тео. Она молчала, но, возможно, видела сейчас намного больше, чем мог увидеть Кот. Он надеялся, что она поймет чуть больше о том, как можно помочь близнецам. Он уже видел, что перевозить как минимум Тео в другую клинику опасно, и лучше доверять здешним врачам, пока он не придет в сознание. К Сину можно привезти мэймэй и Лю Яна, а при необходимости и отряд тибетских шаманов с бубнами - он разрешит, да еще и проследит, чтобы о магии молчали все, кто хоть что-то заподозрит. Здесь сложнее.

Гунмао не знал, о чем говорить с Таем, чтобы его не задеть. Он понимал, что старшему сложно не знать ничего о том, кто он такой. Не узнавать родителей, не помнить брата. И наверняка ему неприятно будет слушать о том, как все наладится, или отвечать на вопросы о том, что еще он не помнит.

- Я оставил в клинике мой номер телефона. Если тебе еще что-то понадобится - скажи, нам передадут, - сказал Кот.

Тай Чун

Шахматы из Кореи. У него есть шахматы из Кореи, которые ему привез оттуда Чун сяншен, то есть отец, а он об этом даже не знает. Интересно, что еще у него есть, о чем он даже не догадывается? Но пока он не чувствовал особого интереса, это было не более, чем фигурой речи. Все, что он хотел сейчас - это остаться одному и, возможно, поспать, потому что болела голова и глаза от постоянного напряжения и необходимости следить за передвижениями медсестры, врача и тех людей, что были его родителями. Женщина не выходила из-за ширмы, где лежал брат, мужчина молчал, молчание было тягостным и неудобным, оно оседало на плечи неподъемным одеялом и тянуло вниз.

- Хорошо, - он даже не знал, что ему вообще может понадобиться. И о шахматах вспомнил лишь случайно, чтобы хоть чем-нибудь занять себя во время бесконечного лежания. Во время поездки к психоневрологу тот показал ему шахматного коня и спросил, что это. Тай ответил, попутно припомнив еще и правила игры в шахматы. Психоневролог, кажется, чуть не сплясал от радости, и следующим показал Таю какое-то невразумительное пятно в виде чернильной кляксы, и Тай так и не смог придумать, на что оно похоже. Она ему казалась похожей только на неаккуратную кляксу, хоть он и силился изобразить что-то более впечатляющее.

- Вы завтра еще приедете? - трудно сказать, какого именно ответа он ожидал. То ли надеялся, что они все-таки не приедут, тем самым дадут ему время прийти в себя, или наоборот, снова будут ходить по комнате, напоминая о себе, а женщина снова присядет на край его больничной койки, что это будет даже приятно и уютно, и, может быть, все же осмелится коснуться его руки ладонью.

Цирилла Грей

Медсестра вновь что-то начала говорить о том, что мальчикам нужно отдыхать, и лучше оставить их одних, чтобы они восстанавливались. Цирилла слушала медсестру вполуха, пропуская мимо ее увещевания, она просто до последнего держалась за возможность побыть рядом с сыном еще минуту, какую-то жалкую минуту, просто постоять рядом, смотреть на него, считать его вдохи и прислушиваться к негромкому и слабому биению его сердца.

Перевозить Тео в другую клинику сейчас еще слишком рано, а увозить одного Тая будет неправильно - пусть лучше они останутся тут вместе, как всегда. Так Тай не будет чувствовать себя одиноким, а у Тео будет возможность спокойно восстанавливаться без риска для жизни. Сегодня она уже не будет его трогать, но обязательно выберет день, чтобы оказаться с младшим сыном наедине и помочь ему хотя бы восполнить потерянные от кровопотери силы - капельниц недостаточно при такой тяжелой травме. А еще хорошо бы было поставить возле него зажженные свечи, но вряд ли это разрешал. Для этого нужно либо пойти против правил, либо перевозить Тео в клинику Сина, где для нее никто не закон.

Мы скоро приедем опять, - пообещала Цирилла Тео, глядя на младшего сына и грустно улыбаясь. *- А ты пока отдыхай мой хороший.* - она отошла еще немного назад, потому что голос медсестры был назойливее комариного писка, и начинал действовать ей на нервы. Хотелось прихлопнуть эту надоедливую девицу, чтобы она успокоилась и наконец заткнулась. Цирилла не собирается мучить собственных сыновей своей компанией. Она в последний раз взглянула на Тео и вышла из-за ширмы. В настроении немного лучше, чем до этого.

Мао Чун

- Да, ближе к вечеру, - ответил Гунмао.

Он считал, что даже если Тай их не помнит, от сидения в одиночестве (Тео сейчас сложно было считать полноценной компанией) ему еще больше не по себе. Потому что для того, чтобы оставаться наедине с собой, должно быть что-то, что можно вспомнить или обдумать. А сейчас получалось, что Тай был наедине с пустотой.

Когда его переведут в палату, и он хотя бы сможет пользоваться телефоном, ему должно стать проще. А пока Гунмао понимал, что при всей нелюдимости старшего ему будет важно видеть рядом кого-то помимо медиков, которые ухаживают здесь за ним и Тео.

Цирилла вышла из-за ширмы, а врач и медсестра все настойчивее принялись спроваживать посетителей из палаты, потому что посещения здесь не положены в принципе, а сидеть подолгу нельзя тем более.

- Пока, до завтра, - сказал Кот Таю, задержав на нем взгляд.

Так странно было видеть, что твой сын тебя не узнает. Смотрит, как на постороннего прохожего не только на тебя, но и на родную мать, и теряется в пустоте собственной памяти. Тай был сильным, и сейчас вряд ли эта внутренняя сила ему изменила, но врагу не пожелаешь такого состояния.
